

Кугель А. Р.
Без заглавия. СПб., 1890.

БѢДНЫЙ ВАНЬКА

Дня три-четыре назадъ мальчикъ лѣтъ 10—12 (фамиліи не помню) бросился съ моста въ Неву. По нашему русскому обыкновению, прохожіе остановились цѣлою толпою, хлопали руками, звали дядю Миная и дядю Митяя, приговаривали: «ахти, родимый!» и никакъ не могли ума приложить, что дѣлать. Такъ-бы мальчикъ и пошелъ ко дну. Къ счастью, въ это время проходилъ какой-то прилично одѣтый молодой человекъ; онъ живо снялъ сапоги и пальто, бросился въ воду, нырнулъ нѣсколько разъ и вытащилъ мальчика за вихры. Мальчикъ оказался упорнымъ пессимистомъ. Онъ жалѣлъ, что ему не дали умереть, онъ смотрѣлъ на своего благороднаго и самоотверженнаго спасителя почти съ ненавистью; онъ рассказывалъ со слезами на глазахъ, что мастеръ, которому онъ отданъ въ ученье, бьетъ его немилосердно, истязаетъ, мучаетъ, и что при такихъ условіяхъ ему жить невозможно. «Одинъ

конецъ!» говорилъ этотъ маленькій тщедушный философъ, такой мокрый, жалкій, забытый...

Толпа, разумеется, охала, опять звала дядю Миная и дядю Митяя, и опять недоумѣвала, что дѣлать. Къ счастью, явился городской, позвалъ извозчика, и отправилъ трясушагося мальчика въ больницу. Толпа живо разошлась, и черезъ двѣ минуты забыла и о несчастномъ мальчикѣ, и обо всей этой грустной исторіи. Ибо все, видите-ли, сѣшшии по собственнымъ дѣламъ, и всемъ было до чрезвычайности недосужно. Недосужно было и мнѣ. Я уже дня три, какъ прочиталъ газетный отчетъ или, какъ выражаются, «рефератъ» объ этомъ происшествіи, и три дня все собирался посвятить нѣсколько строкъ судьбѣ несчастнаго мальчика. Да вотъ все по собственнымъ дѣламъ хлопоталъ. Ужъ очень намъ всемъ недосужно, когда приходится по душѣ побесѣдовать.

Позвольте мнѣ прибѣгнуть къ цитатамъ:

«А вчерась мнѣ были выволочки. Хозяинъ меня выволокъ за волосы на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ пхняго ребятенка въ люлькѣ, и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала мнѣ въ морду тыкать».

...«Нѣту никакой моей возможности... Кланяюсь

тебѣ въ колѣни и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру... Я буду тебѣ табакъ тереть, а ежели что, то сѣки меня какъ сидорову козу. А ежели думаешь, должности мнѣ нѣту, то я Христа-ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить, али замѣсто Федьки въ подпаски пойду»...

Вотъ что писалъ Ванька года два назадъ, когда его только въ ученье отдали. Написалъ онъ сверху: «На деревню дѣдушкѣ Константину Макарычу», и бросилъ письмо въ ящикъ. Узналъ про это г. Чеховъ и очень художественно изобразилъ въ миниатюрномъ разказѣ. Мы всѣ читали и похваливали, даже очень похваливали. Одинъ у меня знакомый учитель словесности есть, такъ онъ даже ученикамъ диктуетъ отрывки Ванькинаго письма. Потому что, главное, понимае-ли, это въ высшей степени художественно. «Отчесалъ шпандыремъ», «а ежели что, то сѣки меня, какъ сидорову козу», «нѣту никакой моей возможности»... Помилуйте! Вѣдь это что-же! восторгъ! шедевр!

И вотъ, пока мы художественно млѣли предъ этимъ «нѣту никакой моей возможности», бѣдный Ванька кривилъ ротъ, теръ черными отъ грязи кулаками слезящіеся глаза, и чувствовалъ, что теоретическая формула «нѣту никакой моей возможности» приближается къ логическому концу и практическому раз-

рѣшенію. Отъ дѣдушки Константина Макарыча ни слуху, ни духу. «А намедни хозяйинъ кободкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропашая жизнь, хуже собаки всякой...» И бѣдный Ванька рѣшился. Онъ выбралъ почти романтическій моментъ, «подъ вечеръ осенью непастной», собралъ всѣ остатки своего растерзаннаго деревенскаго духа и перекрестясь, побѣжалъ. Прибѣжалъ къ Невѣ: страшно, холодно... А надо. Надо потому, что «нѣту никакой моей возможности»...

* * *

Застрѣлился гдѣ-то чувашъ отъ тоски по родинѣ. И сейчасъ распорядились не мѣшать чувашамъ пѣть свои родныя пѣсни. Распоряженіе прекрасное, а все таки жаль, что о взрослыхъ чувашахъ больше заботятся, нежели о малыхъ дѣтяхъ. Никто объ нихъ не думаетъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока крики истязуемаго Ваньки не дойдутъ до слуха какой-нибудь сердобольной сосѣдки, и та не пойдетъ по начальству. А это бываетъ очень рѣдко, потому что Ванька не смѣетъ кричать и еще больше злитъ хозяина.

По настоящему, еще вопросъ, что лучше: чтобы Ванька притерпѣлся и выжилъ, или чтобы умеръ въ дѣтскомъ возрастѣ. Я боюсь, что когда Ванька станетъ Пванъ Пванычемъ и будетъ посѣщать ремеслен-

ныя собранія, онъ будетъ очень скверный Иванъ Ивановичъ и очень скверный членъ ремесленного собранія. Я думаю, что въ его сердцѣ на вѣки останется неизгладимая печать жестокости, безцѣльной злобы и какого-то подлаго разнузданнаго звѣрства, которымъ въ былое время онъ былъ доведенъ до мысли, что «нѣту никакой моей возможности». Я подозреваю, что многіе изъ господъ членовъ ремесленныхъ собраній, и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые считаются столпами и главными противниками толстомясыхъ Богданъ Богданыхъ и Карлъ Карлыхъ, — что многіе изъ нихъ въ былое время забивались подъ печку, горько плакали по случаю этой самой «ейной морды», которую хозяйка безпричинно тыкала имъ въ физиономію, и писали дѣдушкѣ Константину Макарычу письма на деревню, и просили его «пожалѣть меня сироту несчастную», а ежели что, то съчь какъ сидорову козу, но съчь безъ злобы, безъ звѣрства, безъ сладострастнаго упоенія. Какъ быстро все забывается! «Какъ мы нынче состоимъ при собственномъ дѣлѣ, думаетъ бывший бѣдный Ванька, — обязаны мы дѣтей учить алы нѣтъ?»

Пора, въ самомъ дѣлѣ, подумать надъ судьбою бѣдныхъ Ванекъ. У насъ сердобольныя дамы ужасно любятъ заботиться о хронически-больныхъ и золотушныхъ дѣтяхъ. И точно, нѣсколько разъ въ годъ встрѣ-

чаешь въ газетахъ очень округленныя и пріятныя цифры кассовой и пріютской отчетности. Это очень трогательно, разумѣется, но почему незолотушные, не хронически больные, а здоровые, свѣжіе, какъ деревенскій воздухъ, Ваньки предоставляются всякаго рода истязаніямъ, мученіямъ и лишеніямъ, превращающимъ ихъ въ концѣ концовъ въ кліентовъ филантропическихъ пріютовъ — этого я не понимаю. Неужели трогательнѣе всего на свѣтѣ золотуха, а крикъ физической боли у здороваго человѣка ничего не стоитъ?

